

Агамбен Дж.

ЦАРСТВО И СЛАВА. К ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

М.; СПб: Изд. Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.
ISBN 978-5-93255-521-7

DOI: 10.31802/GB.2020.39.4.020

УДК 82-95 (30)

Работа итальянского философа Джорджо Агамбена «Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления», вышедшая на языке оригинала в 2007 г., увидела свет в русском переводе спустя 11 лет. Данное исследование продолжает цикл авторских философских работ, посвящённых выявлению скрытых религиозных истоков тех или иных актуальных культурных, политических, антропологических процессов и явлений. В данном случае речь идёт о попытке осмысления генезиса форм и смыслового ядра современной политико-экономической системы западного общества.

В рамках политической теологии политика не воспринимается как одна из областей общественного бытия, отдельная от духовной жизни, но, напротив, понимается как та область, которая отражает и воспроизводит религиозные (христианские) контексты. И самое интересное здесь заключается в том, что они могут высвечиваться там, где мы не рассчитываем с ними встретиться. Более того, они могут оказывать существенное парадигматическое влияние на формирование облика внешне секулярных систем. С этим открытием и столкнулась западная политическая философия в XX в., обнаружив свои парарелигиозные основания. И масштаб имплицитного присутствия теологических структур в мире всё ещё недооценён. Мы привыкли проводить параллель между монархией и христианским монотеизмом, понимая экономико-капиталистические формы как секулярные. Агамбен же демонстрирует и их религиозные основания.

Во введении Агамбен фиксирует два взгляда на политическое устройство западного общества, которые, по его мнению, будучи

антонимичными, оба вытекают из христианской теологии. Первый — основанный на представлении о трансцендентном статусе суверенной власти, утверждающийся в рамках концепции Единого Бога; второй — основанный на имманентном порядке божественной и человеческой жизни, утверждающийся в рамках тринитарной доктрины. И пока политологи, вроде Карла Шмитта, фокусировались на первом, как раз и породившем направление политической теологии в исследованиях, Агамбен старается обосновать важность второго, который, по его мнению, лежит в основании современного общества как экономико-центрированного. Итоговое же значение работы — попытаться объединить их в новом качестве.

Современная политика, согласно Агамбену, не политика, но именно экономика (или *ойкономия*¹) как система не правления, но управления. Здесь он солидаризуется с Мишелем Фуко, развивая теологическую вариацию на тему его концепции биополитики², и Эрике Петерсоне, который в полемике с Карлом Шмиттом противопоставлял его авторитарным взглядам тринитарный дискурс христианства как основания современного управленческого диспозитива. Вот почему в своей работе «Царство и Слава» Агамбен пытается обнаружить подлинную сущность главенствующей в общественной жизни сигнатуры экономики (ойкономии) Троицы, которая, вследствие гностических и иудаистических влияний и метонимических подмен, ускользнула от взгляда средневековых апологетов и подверглась искажению, получив сакральный статус. Последнее же, в свою очередь, фатальным образом повлияло на реализацию политических стратегий как прошлого, так и настоящего.

Композиционно книга состоит из восьми глав и приложения из трёх глав. Основная часть смысловым образом подразделяется на две части. Первая — историко-лингвистический анализ термина «ойкономия» в трудах античных авторов и святоотеческой традиции; его связь с формированием тринитарной доктрины христианства, а также генезис концепции провиденциального управления миром. Вторая — анализ взаимного присутствия структурных элементов литургического церемониала, инсигний, гимнов и аккламаций в политическом действии. Приложение посвящено анализу того, как в работах мыслителей эпохи

- 1 Русскоязычному читателю терминология книги может казаться несколько чужеродной, переводчик сознательно использует оригинальное *ойкономия* (οἰκονομία) вместо привычного *домостроительства* или *икономии*, понимаемого обычно как принцип церковного правотворчества и душепопечения.
- 2 Управления не людьми, но телами и их биологическими процессами.

модерна окончательно закрепились ранее обнаруженные философом базовые черты функционирования провиденциальной тринитарной парадигмы как основы для формирования биполярной системы управления (власть законодательная и власть исполнительная).

В рамках генеалогического анализа термина «ойкономия» в пространстве древнегреческой мысли, где он впервые возникает, Агамбен обнаруживает его исходное не теологическое значение. Аристотель и Ксенофонт понимали ойкономию как управление домашними делами в рамках ойкоса (дома). Кроме того, Аристотель отмечал, что экономика отличается от политики так же, как ойкос отличается от полиса, следовательно, *ойкономия противопоставляется политике* как искусству царствования и управления в городе. Это именно *домостроительство*. Далее, в посланиях апостола Павла к Коринфянам термин вновь появляется, но в несколько ином значении *экономики тайны* или *действия тайны*. Данный контекст, хоть и оказывается соотносимым с Божественным Промыслом как божественным поручением Павлу в управлении мессианским сообществом, по-прежнему, не несёт в себе собственно мистериально-сакрального значения: «Термин “ойкономия” означает божественное действие и управление вообще» (с. 63), — отмечает Агамбен. У Павла экономика не спасает, но призвана сообщить о спасении. Однако позже, в ранней апологетической мысли, производится инверсия данного словосочетания, которая приводит к сакрализации понятия «ойкономии», так что тайной становится само экономическое действие, поскольку Ипполит и Тертуллиан меняют местами Павлову синтагму *экономики тайны* (ἡ οἰκονομία τοῦ μυστηρίου) на *тайну экономики* (τοῦ μυστηρίου τῆς οἰκονομίας). Как показывает Агамбен, именно это представление об ойкономии важно для раннехристианских дискуссий, касающихся развития тринитарной доктрины как тайнодействия.

Уже на первых этапах своего становления христианская апологетическая мысль приходит к трудности онтологического разрыва между сущностью Бога и действием. Это, с одной стороны, выражается в распространении гностических учений³, с другой — вынуждает разрабатывать концепцию свободной воли и Провидения, поскольку становится неясно, на чём базируется связь Творца и творения. Иными словами, возникает вопрос, как Бог, сотворив мир, управляет им? Августин отвечает на это волюнтаристской идеей. Творение совершается согласно

3 Агамбен указывает, что именно у гностиков термин «ойкономия» впервые употреблялся применительно ко Христу как *управленцу* миром.

свободной воле Отца, который царствует, но не правит⁴, а Сын обретает статус управленца, того, кто исполняет волю Отца, дополняемую ангельским провиденциальным контролем над творением (позднее у Мальбранша Христос станет пониматься как *ангел Нового Завета*).

Провиденциальная парадигма предполагает, что Бог не правит миром в адресной форме через контроль каждой единичной детали земного бытия, но делает это посредством универсальных принципов. Эти универсальные и трансцендентные права, дополненные частными имманентными провиденциальными поручениями ангелам, оформляют два полиса божественного управления миром. Разработанная в *Corpus Aegoragiticum*, а затем у Фомы Аквинского детальная ангельская иерархия мыслится Агамбеном как сигнатура бюрократического аппарата. Таким образом, функцией ойкономии становится чёткая артикуляция сущности Троицы, где каждому Лицу соответствует свой функционал. Ойкономия, в рамках данной парадигмы, и есть действие Божественного Промысла в мире как *естественного* закона: «Провидение и есть имя “ойкономии”» (с. 189). Выходит, что сигнатура священного управления в принципе и лежит в основе современных демократических обществ⁵.

В приложении к работе Агамбен посредством анализа ряда текстов (Мальбранш, Руссо, Смит) подчёркивает, что указанная экономико-провиденциальная парадигма не упраздняется, а, напротив, становясь сигнатурой, усиливается в эпоху Нового времени и далее: «Ойкономия мыслителей Нового времени — это и есть *truncatio Malcuth*: самостоятельно обрета суверенитет, отделенный от его божественного истока, она в действительности поддерживает теологическую модель управления миром» (с. 467). Иными словами, представление о форме провиденциального правления посредством выявления, поддержания и реализации закона переносится с теологического на мирской порядок. Изолированная экономика, в отличие от политики, становится анархичной. Таким образом, понятая функционально-управленчески и сакрализованная в рамках идеи провиденциализма, ойкономия, по Агамбену, ложится в основу современной теории власти с ее принципом функционального членения на законодательную (сигнатура от Промысла Бога-Отца) и исполнительную (Сыновнее служение) с существенным креном в последнюю.

Одним из самых ошибочных следствий этой анархичной парадигмы, подчеркивающим её абсурдный статус, отмечает Агамбен, является

4 Данный разрыв фиксируется в средневековой иконографии как *пустой трон* или образ *отсутствующего короля*.

5 Невидимая рука рынка Смита — рука Бога, отмечает Агамбен.

теодицея. Провиденциальная машина управления вынуждена сталкиваться с тем фактом, что её чудовищные порождения разного рода (от мелких зол до Освенцима) тоже оказываются её сопутствующим эффектом, поскольку зло тоже входит в норму и Бог, как общий имманентный закон, становится его соучастником. А граница между тоталитарным обществом и парламентской демократией, ввиду включённости их в эту изолированную управленческую парадигму, не так огромна, как кажется. Отсюда возникает потребность создавать теории теодицеи, однако «желание оправдать Бога, потому что мир такой, какой он есть, — это наихудшее недоразумение, которое можно вообразить в христианстве» (с. 445). Теодицея Агамбена же, если так можно выражаться, заключается в радикальном пересмотре всей парадигмы машины управления.

Во второй части своей работы Агамбен прослеживает ещё один аргумент в пользу того, что исторически политика на Западе приняла форму парарелигиозного действия в аспекте литургии, в частности активного использования таких структурных элементов религиозных церемониалов в политических действиях, которые не несут никакого существенного функционала (аккламации, славословия)⁶. Всё, что они собой представляют, — это наиболее пышная репрезентация власти как таковой. В рамках этого вопроса Агамбен, посредством отсекающего ложных контекстов рассмотрения специфики политического и экономического действия, подходит к положительному решению вопроса о том, что оказывается связующим элементом между Царством и Правлением, или какова подлинная природа этой ярко демонстрируемой власти. Здесь он, исследуя гимнографические и литургические аспекты властного поведения в средневековой Европе, обнаруживает, что в основании того и другого лежит необходимость в прославлении. Отвергая наивные представления о том, что пышные церемониалы в политике носят психологическую функцию запугивания и внушения благоговения толпе, он онтологизирует концепцию власти и обнаруживает в качестве её задачи прославление праздного Бога (*deus otiosus*): «Высший и исполненный славы *τέλος* закона и ангельских сил, как и *τέλος* мирских властей, состоит в том, чтобы быть упразднёнными и сделаться бездейственными» (с. 294). Образцовые с этой точки зрения возгласы славословий демонстрируют, подобно чистой поэзии, утверждение *асемантического ядра слова*, где язык вращается вхолостую, упраздняя самого

6 Агамбен рассматривает взаимное влияние политических и литургических церемониалов друг на друга (фасции, пышные облачения, аккламации, инсигнии и проч.), заимствования, объединение светских и церковных действий или символов.

себя⁷. Это смысловое начало базируется на том, что оно не сообщает какую-то информацию: «Звучащая речь не имеет никакого содержания, она есть чистое желание говорить. Содержание голоса тайны, который наконец звучит, — это не что иное, как сам факт того, что “тайна говорит”» (с. 404).

Вернемся к экономике. Таким образом Агамбен выясняет, что сущностью тринитарной ойкономии оказывается взаимное прославление Лиц Троицы, которая тем самым задаёт образец для тварного бытия. Здесь можно вспомнить, помимо упомянутого Агамбеном Юргена Мольтмана (с. 343), и Карла Ранера с его разработками в области триадологии⁸, базовый тезис которых — соответствие имманентной Троицы Троице экономической (и наоборот) — буквально воспроизводится Агамбеном на страницах его «Царства и Славы»: «Экономическая Троица (Правление) предполагает Троицу имманентную (Царство), в которой Она обретает своё оправдание и обоснование» (с. 343). Единство апории «θεολογία и οἰκονομία, бытия и праксиса, Бога в самом себе и Бога для нас» (с. 343) заключается в Славе. Слава и есть та самая царственная тайна, управлять которой было поручено апостолу Павлу. Здесь Агамбен снова замечает трансформацию — ветхозаветный *kabod*, означающий полноту присутствия Бога среди людей, при переходе в новозаветное греческое *δόξα* обретает значение взаимного прославления Сына и Отца: *Отче! Пришёл час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя* (Ин. 17, 1). У Павла возникает уже зеркальная теория Славы, когда Бог-Отец отражает свою Славу в Сыне, а тот далее — в людях (мессианском сообществе), возвращающих её Богу.

Так, на самом деле экономика, по Агамбену, включает телеологию Славы, замкнутую в круговой логике: прославляя Друг Друга, Лица Троицы задают образ прославления бытию: «Экономика прославляет бытие точно так же, как бытие прославляет экономику» (с. 361), притом что «тринитарная экономика в своей сущности и есть экономика славы» (с. 349), а она, в свою очередь, «в своей сущности есть бездеятельность» (с. 410). Это интуитивно воспроизводили имперские политические системы Рима или Византии, что далее берёт на вооружение, например, Третий Рейх, поскольку возвращает в политику пышность властных церемониалов. Но и в современных демократических обществах, как замечает Агамбен со ссылкой на Ги Дебора, место *δόξα*, претерпевшей

7 Здесь возникает опасность понять это нигилистически, в то время как это апофатическое высказывание.

8 *Rahner K. The Trinitry. New York, 1997.*

семантическую трансформацию из славы в мнение, занимают СМИ. Однако сейчас экономика прославляет непрерывную деятельность.

В рамках этого взгляда Христос, будучи наместником Отца, призван вернуть Ему Его Царство, упразднив в итоге закон и нескончаемое управленческое действие (в аду оно не прекращается никогда)⁹, а человек, будучи *животным субботы*, подобно высшим чинам ангелов, по своей природе не призван ни к чему иному, как к Его прославлению. Деактивация закона, управления и действия — вот подлинная задача экономики в широком смысле слова, поэтому, согласно итальянскому философу, современная политика носит inferнальный характер: «Когда закон изолируется и возводится в независимую религиозную систему, он становится демоническим» (с. 293). Повторимся, что это, по сути, и происходит в рамках властного диспозитива модерна и позднее только усиливается: провиденциализм как чистое управление приобретает анархичный статус, сделав и суверена частью имманентной машины (имея в виду произвольную активацию режима *чрезвычайного положения*¹⁰). В этой работе, таким образом, заключается попытка восстановить баланс и вернуть экономике политику или Царство Отца: «Агамбенова генеалогия ойкономии предлагает новый взгляд на изучение неолиберализма, который подчёркивает существование на заднем плане безголового короля, царя, который правит, но не управляет и к которому все действия правительства относятся»¹¹.

Заметим, что «Царство и Слава» не претендует именно на доскональную теологическую полноту и остаётся в рамках актуальных для XX и XXI вв. политико-философских штудий, а в рамках Агамбеновой системы мысли продолжает идею мессианического времени как попытки помыслить сущность тех или иных способов присутствия вечности в настоящем моменте и проанализировать структуры общественных ситуаций с этой позиции¹². Задачей Агамбена оказывается высвечивание

9 Здесь Агамбен проводит аналогию с «техникой» Хайдеггера, которая в рамках его системы являет собой диспозитив всеобъемлющего управления миром.

10 Одна из самых базовых концепций Агамбена. *Чрезвычайное положение* предполагает исключение в законе или узаконенную отмену закона, которая, по сути, нивелирует права и свободы человека, превращая его в потенциального узника концлагеря. Эта ситуация действует равно в либеральных и тоталитарных обществах, демонстрируя принадлежность их к одной и той же биополитической парадигме управления телами, но не людьми.

11 *Primera G. E. Economic Theology, Governance and Neoliberalism: The Lessons of The Kingdom and the Glory // Praktyka Teoretyczna*. 2015. № 3(17). P. 118.

12 Уильям Уоткин называет проект Агамбена «мессианической политической теорией»: *Watkin W. The Kingdom and the Glory: The Articulated Inoperativity of Power // Res Publica: Revista de Filosofía Política*. 2012. № 28. P. 245.

базового смыслового ядра политического действия, формировавшегося на протяжении всей христианской истории, и работает он широкими мазками — наиболее остро фокусируется на социально-политическом контексте. Например, от его взгляда ускользают зрелые теории формирования тринитарной парадигмы, и опирается он на ранних апологетов. Отсюда столь заметная аналогия между биполярной машиной управления и именно ранней бинитарной концепцией Троицы (которая встречается в учениях Лактанция, Тертуллиана, Арнобия)¹³. Однако здесь же напрашивается интересный вывод о том, что западные политические системы базируются не на зрелом тринитарном богословии, а на тех позициях, которые изначально были сформулированы путём проб, ошибок и влияний со стороны политеизма, гностицизма, иудаизма.

Таким образом, Агамбен через теологизацию современности производит её детеологизацию¹⁴, или, как удачно выразился Алексей Пензин, «профанирует профанаторов»¹⁵. Через описание истоков inferнальной экономической деятельности в рамках породившей её средневековой парадигмы провиденциализма философ взывает к бездействию в деактивации управленчества¹⁶. Взяв на вооружение тезис о том, что секуляризация стала одним из этапов развития христианской веры и заключила в себе элементы имманентизированного сакрального, он совлекает эти структуры с подлинной концепции власти. Так, если для Вебера процесс секуляризации носит позитивный характер демифологизации и отрезвления, а для Шмитта теология продолжает существовать в современном мире, то Агамбен оказывается в стороне и от того, и от другого. Политико-экономическое всегда оказывается сигнатурой, формой, отсылающей к неуничтожимому *archē*, истоку. Что говорить, если даже «Марксово понятие бесклассового общества — это секуляризация богословского понятия царства Мессии»¹⁷.

- 13 Подробно о формировании тринитарной доктрины христианства см.: Фокин А. Р. Формирование тринитарной доктрины в латинской патристике. М., 2014.
- 14 В аспекте того, что христианству свойственна именно тринитарная ойкономия.
- 15 Пензин А. Профанация профанаторов, или Джорджо Агамбен на Московской биеннале // Художественный журнал. 2007. № 65–66. С. 7–24. По Агамбену, профанация — это возвращение вещам их подлинного значения.
- 16 Нельзя не вспомнить близкий по своему объекту булгаковский проект философии хозяйства, который, напротив, базируется на тезисе о том, что человек должен *в поте лица своего* совершать действия по преобразованию действительности вокруг себя, что в этом и заключается задача христианина. Аналогичные идеи можно встретить на страницах политико-религиозных концепций Юргена Мольмана или Аристотеля Папаниколау, которые подчёркивали важность понимания теозиса как преобразования социума и принципиальную преобразовательную *деятельность*.
- 17 Бездеятельность экономики и экономика бездеятельности. Интервью с Джорджо Агамбеном // Логос. 2019. Т. 29. № 1. С. 137.

Подход, который демонстрируется им в «Царстве и Славе», не нов для него. Вслед за Беньямином вглядываясь в антиномии, он не снимает их, как Гегель, но ставит на паузу и смотрит, что оказывается в пространстве между ними. Также он обнаруживал, к примеру, мессианическое время в жизненном моменте как соотношение каждого мгновения с концом времени и вечностью в работе «Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам»; или в просвете между человеком и животным обнаруживал *голую жизнь* как чистую потенциальность, в рамках которой человек может быть *любим* (и государственно-управленческой машине с ним можно делать что угодно) в работе «Открытое. Человек и животное». Точно так же в «Царстве и Славе» Агамбен обнаруживает первооснову политического действия, которое, в свою очередь, оказывается положительным бездействием, а главным актором его — человек как *животное субботы* с телом, которое, согласно словам апостола Павла (Флп. 3, 21), по воскресении станет *телом славы*. Таким способом итальянский философ пытается восполнить «равновесие, которое христианское богословие утрачивает и которое оно всякий раз должно завоевать заново» (с. 148). Однако у этого равновесия нет никакого сущностного имени, поскольку оно есть чистый процесс, и это принципиально важно. Агамбен будто бы берёт на вооружение евангельскую максиму Христа о том, что *Царство Его не от мира сего* (Ин. 18, 36), и пытается найти в просвете или мессианическом разломе бытия, что это может быть за Царство. И находит «сияние, исходящее из этой пустоты» (с. 348), которое не в *хроносе*, но в *кайросе* всегда уже здесь. Его мысль проходит вдоль бинарных оппозиций сакрального и профанного, высвечивая неуловимую сущность власти в мире, забывшем о том, что единственно подлинное действие, которое он может совершать, — бесцельно прославлять Бога.

Ирина Викторовна Гравина

Библиография

- Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Изд. Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018.
- Бездеятельность экономики и экономика бездеятельности. Интервью с Джорджо Агамбеном // Логос. 2019. Т. 29. № 1. С. 133–146.
- Лензин А. Профанация профанаторов, или Джорджо Агамбен на Московской биеннале // Художественный журнал. 2007. № 65–66. С. 7–24.

- Фокин А. Р. Формирование тринитарной доктрины в латинской патристике. М.: Наука, 2014.
- Primera G. E. Economic Theology, Governance and Neoliberalism: The Lessons of The Kingdom and the Glory // *Praktyka Teoretyczna*. 2015. № 3 (17). P. 106–122.
- Rahner K. *The Thrinity*. New York: Herder and Herder, 1997.
- Watkin W. The Kingdom and the Glory: The Articulated Inoperativity of Power // *Res Publica: Revista de Filosofia Política*. 2012. № 28. P. 235–264.